

О.С. ПАВЛОВА

БИОЭТИКА И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЗНАНИЯ ЖИВОГО

Бурное развитие наук во второй половине XX в. способствовало появлению фундаментальных открытий в области биологии: обнаружение и расшифровка генетического кода, основных звеньев синтеза белка, многих метаболических процессов в живой клетке. Была начата интенсивная работа по расшифровке генома человека, растений и животных. Динамическое развитие современного биологического познания позволило установить молекулярные основы живого и подойти к решению трех основных проблем биологии: раскрытию сущности и механизмов происхождения жизни, ее изменчивости и эволюции.

Вместе с тем происходит и радикальное изменение самого облика биологии как науки, ее места и роли в системе научного знания, углубление взаимосвязи теории биологии и практики, смыкание теоретико-биологической проблематики с философской. Анализ специфики современного биологического познания, его прямых и обратных связей с “точными” и гуманитарными дисциплинами позволяет сделать вывод о глубокой разносторонней социализации целей современных биологических исследований, о всевозрастающей роли потребностей интеграции знания в общественную практику, в апробации стратегических направлений деятельности человека в сфере живой природы. В отечественной философско-методологической литературе последней трети XX в. показано, что естествознание вступает в новую историческую фазу своего развития – переходит от неклассической на уровень постнеклассической науки (В.С. Степин). Если соотнести все вышесказанное с конкретными процессами развития, происходящими в биологии в конце XX ст., то можно заметить, что именно биология становится лидером естествознания, изменяя при этом свою динамику развития. Выражением эволюционной тенденции от неклассической к постнеклассической биологии являются следующие процессы:

1. Укрепление взаимосвязи биологии с точными и гуманитарными науками.
2. Развитие комплексных и междисциплинарных исследований.
3. Объединение информационных каналов теоретического познания живого с прикладной сферой деятельности, прежде всего с глобальными проблемами современности. Таким образом, непосредственным основанием исследовательской деятельности в биологии все в большей степени выступают практические потребности, интересы и запросы общества.
4. Приоритетная роль биологии по отношению к аграрной, медицинской, фармакологической деятельности.
5. Проявление гуманистического начала биологического познания, широкое внедрение ценностных подходов и возрастание ответственности уче-

ных-биологов за судьбы человечества в связи с углублением медико-биологических и биотехнологических исследований.

На современном этапе развития биологии научные открытия, в отличие от прошлого, активно находят свое применение на практике, быстро реализуются, что свидетельствует о необходимости обращения исследователей к конкретным нравственным вопросам, которые возникают часто при решении специфических проблем медико-биологической направленности. *"Этос науки"* приобретает в рамках постнеклассицизма особое значение – *познание живого должно быть ориентировано не только на благо людей, но и на благо всего живого*. Таким образом, одним из основных параметров развития постнеклассической биологии становится изменение ее социально-нравственного статуса. Большинство ученых осознают возрастание роли нравственного фактора в естествознании. Они подчеркивают необходимость решения социально-нравственных задач для внутреннего развития биологии. Удивительно разносторонний ученый-биолог А.А. Любищев отмечал: "Сегодня в биологии невозможно нигилистическое отношение к этическим ценностям... Этические, ценностные проблемы биологии и философии тесно переплелись и перестали быть уделом удалившихся от жизни чудачков. Эти проблемы сегодня затрагивают такие стороны нашей жизни, которые не могут быть безразличны даже самым крайним прагматикам"¹.

Учитывая тот факт, что современная постнеклассическая биология оказывает существенное воздействие на этическое мышление и трактовку этических ценностей, вылившееся в создание специфической научной отрасли – *биоэтики*, можно констатировать, что идет процесс преобразования мировоззренческой функции биологии в целом. Усиление роли мировоззренческой направленности непосредственно связано с изменением места биологии в системе наук, преодолением ценностно-нейтрального статуса и с появлением социально значимых тенденций в рамках биологического исследования. "Социальный заказ" (к примеру, генетика человека) потребовал от биологии сращивания с философскими дисциплинами и более детального исследования социальных параметров жизнедеятельности человека. Буквально на глазах одного поколения появляются такие дисциплины, как: биоэтика, экологическая этика, социобиология, социогенетика и многие другие. Данные процессы, по нашему мнению, могут свидетельствовать о появлении необходимости глубокого философского анализа междисциплинарных тенденций в развитии биологического знания и создания целостной исследовательской стратегии с учетом включения моральных и социально значимых норм в биологическую науку. Основы такого научно-практического и теоретического осмысления постнеклассических динамик в биологии закладываются в рамках биологической этики. Тридцатилетний опыт развития этого междисциплинарного направления позволяет констатировать тот факт, что возникновение биоэтики как самостоятельной отрасли знания не было случайным. Прежде всего оно обусловлено общими динамическими процессами в развитии естествознания, смыканием его с социогуманитарными дисциплинами, а также назревшим нравственным переворотом в научном познании.

Главным вектором эволюционных изменений можно считать сближение интересов науки и потребностей человека. Б.Г. Юдин использует для характеристики данной тенденции емкий термин "обволакивание человека наукой", погружения в мир, проектируемый и обустроиваемый наукой и техникой. Научно-технический прогресс не только "приближается к человеку извне, но и как бы изнутри, делая человека своим производением, ... <...> ... проектируя и, собственно, его (генетические, эмбриологические, клональ-

ные исследования)². Сам человек становится объектом исследовательской деятельности в различных естественнонаучных областях.

По мере того как биология вырабатывает все более тонкие и эффективные средства воздействия человека на окружающую среду, усиливается опасность разрыва человечества с биотой, вырождения и даже его гибели, а также нарушения стабильности в самой биосфере. Именно эта опасность гибели живого на Земле задает и усиливает необходимость выработки новой этики науки. В расширенном понимании биоэтика связывается не только с новыми технологиями, правами человека, прогностикой развития человечества, но также и с концепцией целостности и самоценности Жизни. А.И. Зеленков и П.А. Водопьянов констатируют, что “человечество находится в начале нового этапа своего развития, когда возможности расширения ойкумены исчерпаны и адаптация человека к новым условиям требует новых ценностей, перестройки традиционных нравственных принципов отношения к природе”³. Таким образом, кризис мировоззренческой парадигмы антропоцентризма, породивший глубинные сдвиги в общественном сознании, его эволюцию к биоцентристским началам, можно признать одним из важнейших оснований биологической этики.

Обращаясь к вопросу целостных оснований биоэтики, отметим, что в литературе до настоящего момента не существует единого мнения по данной проблеме. Поскольку сфера морали безбрежна, в качестве источников биологической этики можно рассматривать множество феноменов. Согласно нашему методологическому подходу моральное сознание формируется на базе развитой культуры и сложившихся этических ценностей. Это позволяет выделить **три группы** источников биологической этики:

1. Основания аксиологического содержания, к которым отнесем: обычаи, мифы, протомораль, преобразующуюся постепенно в естественное право, которое в сфере биоэтики находит свое выражение в виде естественного права человека на здоровую жизнь, естественного права распоряжаться по своему желанию собственным организмом (моральные проблемы трансплантологии, клонирования и т. д.), даже права на достойный уход из жизни (этические затруднения в эвтанази).

2. Гносеологические основания, в которые включается анализ этических феноменов и систем, предшествующих в историческом плане современной биоэтике (философские учения И. Канта, Г. Плеснера, К. Поппера, отчасти направления в русской философии космизма: И.А. Ильин, Н.А. Умов, П.В. Бадмаев, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, Н.О. Лосский, А.А. Любищев и др.).

3. Практиологические основания, куда отнесем анализ реальных тенденций общественных изменений в социокультурных областях, в науке, в частности, в медико-биологическом исследовании, в здравоохранении в целом.

Биоэтика служит ярчайшим примером со-творчества, областью соединения науки, философии и права. Отметим, что влияние права, правовой системы, правового сознания на науку и ее ценности является малоизученной областью как в отечественной, так и в зарубежной традициях. В динамике современного биоэтического дискурса наблюдается устойчивая тенденция дополнения моральных регуляций правовыми. Современный этос биоэтики сформирован парадигмой этико-правового контроля, причем сфера действия юридических аргументов биологической этики значительно расширена. С момента утверждения Советом Европы “Конвенции о правах человека и биомедицине” (19.11.1996) юридические основания биоэтики получили закрепление в международном праве. Современная наука опережает жизнь, ритм которой определяется традициями права, морали, повседневности.

Генетическая, хромосомная, эмбриональная инженерия, алло-и-ксено-трансплантации, клонирование совершают кардинальные изменения в нашей жизни. Возникающие в ходе их развития проблемы выходят за рамки науки, затрагивая сферы не только морали, но и права, законные устои социума. Глубинные исследования человеческого бытия должны базироваться не только на моральной интуиции ученого-естествоиспытателя, но также они должны проводиться на разработанной и широко применимой правовой основе. Поэтому в более точном смысле речь уже должна идти не просто об этике науки, а о едином междисциплинарном подходе, вырабатывающем морально-правовые критерии исследования социоприродных комплексов. Разработка начал подобного научного направления уже ведется в рамках таких дисциплин, как экологическая этика, биологическая этика, биомедицинская этика, экологическое право и др. Очевидно, что задать научно-практической деятельности не только моральную регуляцию, но и формально определенную юридическими нормами – задача достаточно сложная. По всей видимости, дальнейшее совершенствование научных знаний и общественных отношений приведет к реализации данного требования. Хотя многие современные естествоиспытатели высказывают серьезные опасения в том, что правовой контроль резко ограничит и затормозит развитие научных исследований, тем самым будет нанесен ущерб последующим поколениям людей в их правах на здоровую жизнь^{4, 5}.

К. Лабрюс-Риу, профессор права в парижском университете, пишет: «Право – удивительное зеркало, отражающее общество со всем его злом и со всеми добродетелями. Хорошо, если бы создаваемое нынче право сумело бы отразить не ту жизнь, которую наши аппетиты превратили в средство эксплуатации и управления! Человек как "властелин и повелитель природы" – далеко не все, что есть человек на самом деле. Праву надлежит подготовить пути к другой судьбе»⁶.

С момента своего возникновения биоэтика формировалась как этико-правовое движение среди медиков и широкой общественности Запада. Сегодня биоэтическими ориентирами руководствуются в реальной практике здравоохранения США, Европы, Японии, Греции, Австралии и многих других стран. Фундаментальными основами биоэтического подхода являются ценности либерализма: автономия индивида, свобода воли и выбора, информированного согласия, которые находят свое выражение в том, что в биоэтике западного толка господствует юридическая парадигма с присущим ей индивидуальным акцентом, ориентация на права пациента и т. д. Как отмечает Б. Дженнингс, юридическая парадигма в биоэтике предполагает некий "всеобщий юридический разум" – гарант истинности и объективности принимаемых моральных решений⁷. Б. Дженнингс предлагает новую модель для биоэтики – *гражданскую*, исходящую из демократических ценностей, в основе которой должны быть положены солидарность людей, их равенство в получении медицинских услуг и социальных благ, идея коммуналистических интересов и целей. Конкретным выражением работоспособности и приемлемости данной модели служат созданные для решения моральных коллизий и конфликтов биомедицинские комитеты. По нашему мнению, подобный подход позволяет расширить ценностные ориентации медико-биологического сообщества, рассматривать их в социокультурном контексте, содействовать согласованности в научном, практическом и общественном диспутах о состоянии и развитии системы медико-биологических исследований, здравоохранения и т. д. Но в то же время подобная парадигма мышления таит в себе определенные опасности. Мнимая коллегиальность в принятии того или иного ответственного решения по проблемам биоэтики может вести к бюрократизации, завышению полномочий и функций членами этических комитетов.

Интересную позицию высказывает П.Д. Тищенко в статье “К началам биоэтики”: “Смысл биоэтики как особой разновидности интеллектуальной деятельности и социальной практики заключается в попытке обнаружить возможности диалога и солидарности граждан в защите добра и противостоянии злу... Возникает насущный для граждан правового государства навыв достижения со-гласия в различении добра и зла”⁸. Отсюда можно сделать вывод о том, что в государстве, основанном на власти права, истинное этически сопряженное знание должно вписываться в рамки, задаваемые законом. И наоборот, устанавливаемый закон не должен создавать провокационные ситуации для науки, допускающие, к примеру, внеэтические манипуляции с человеческим организмом. При решении сложнейших биоэтических проблем, очевидно, не может быть, да и, наверное, не должно быть единой точки зрения. Каждый из участвующих в решении моральных коллизий сохраняет за собой право на инакомыслие, на собственное убеждение в том, что есть истина, благо, добро или зло. Такая общность, формальное объединение взаимодействующих сторон в биоэтике должны возникать на правовой основе, на универсальности прав каждого человека, живого существа вообще. Таким образом, современное развитие биоэтики требует введения *юридической парадигмы*. Правовой контроль должен иметь место прежде всего в “проблемных ситуациях”, возникающих в рамках биомедицинских исследований, и базироваться на принципе уважения человека как личности. Сердцевинной биоэтики признается защита человека от возможных негативных воздействий медицины и биологии на его здоровье и жизнь, действительным инструментом которой могут послужить этические декларации, нормативные акты, законы и иные правовые документы.

Учитывая расширенное толкование предмета биоэтики, которое в последние годы все больше привлекает к себе внимание, центральной идеей данного междисциплинарного направления становится разработка и юридическое оформление *концепции прав биоса*, выраженное в создании международного законодательства по правам биоса⁹. Основной задачей данной концепции является разработка единой системы законов на международном уровне для всех государств, обеспечивающей предотвращение дальнейшего разрушения био-окружения в любой форме и любыми средствами, а также компенсацию того ущерба, который уже был причинен биосу в результате человеческой деятельности. Таким образом, биоэтика является ведущим звеном в формировании единой планетарной био-политики и био-законодательства. В современной философской и юридической литературе продолжается дискуссия по вопросу: “Можно ли наделять окружающую среду самостоятельными правами?” Сторонники “концепции прав биоса” (К. Стоун, А.В. Арванидис) полагают, что окружающая среда и все природные объекты, а не только человек, обладают неотъемлемыми правами в силу присущей им изначальной внутренней ценности. *Традиционная концепция прав* трактует право на окружающую среду как право человека предъявлять требования на здоровую окружающую среду. При этом подходе сохраняется ряд нерешенных проблем: какие аспекты окружающей среды должны быть защищены и какая степень изменений в ней допустима? Должны ли правом на здоровую природную среду обладать ныне живущие люди либо оно распространяется и на будущие поколения? Резонно ли в данном контексте говорить о праве народов либо об индивидуальном праве человека? Современные экологические законодательства многих стран соответствуют традиционной трактовке концепции прав человека на окружающую среду, служат лишь интересам человека, а не самой природы. Хотя в международном праве начинают появляться документы, закрепляющие внутреннюю ценность биоса (Всемирная Хартия природы, 1990). Но

одно дело требовать морального, уважительного отношения к окружающей среде и совсем другое – наделять животных, микроорганизмов, растения юридическими правами. По нашему мнению, термин “право” соотносится с природными объектами недостаточно корректно. Право – это продукт взаимоотношений между личностью и социумом, следовательно, не имеет оснований применение данного термина к сущностям, находящимся вне общества, хотя неоспорим тот факт, что живые существа должны являться частью нравственного ландшафта. Нельзя забывать и о том, что человечество вовлечено в единую социоприродную систему, взаимозависимо с компонентами биоса. Следовательно, сохранение модели прав человека в ее традиционной антропоцентристской трактовке недопустимо. Сегодня уже очевидно, что кризисность экологической ситуации в немалой степени сопряжена с кризисом смысложизненных и этических ориентиров современного человека. А это означает, что социум имеет возможность сохранения и развития лишь в том случае, если произойдет парадигмальный поворот в общественном сознании: включение природных объектов в сферу этических регуляций и принятие диалогических, вопрошающих взаимоотношений с биосом.

Обращаясь к вопросу становления биоэтики в Республике Беларусь, необходимо отметить, что в настоящий момент происходит поиск и адаптация наиболее приемлемой для нашего общества модели биоэтического дискурса. Складывается противоречивая ситуация: актуальность такого рода проблем очевидна, но медленный поиск биоэтических аргументов и слабое институциональное оформление этого научно-практического направления сопряжены со сложной социально-экономической ситуацией в республике. Традиционная модель биоэтики базируется на ценностях американской культуры, не соответствует в полной мере запросам и ментальным установкам белорусского общества. По нашему мнению, принятая на Западе модель “автономии пациента” существенно расширяет его права, способствует тому, что больной становится равноправным партнером в диалоге “врач-пациент” и имеет возможность сделать самостоятельный выбор методов и средств лечения, достойно распорядиться своим правом на жизнь (закончить работу, составить завещание, высказать просьбы родным и т. д.). Но в действительности прямое перенесение на отечественную почву и культивирование западной модели не всегда дают положительные результаты. Прежде всего это связано с неподготовленностью самого общества к восприятию и решению биомедицинских затруднений: недостаточное распространение современных научных знаний по биологии и медицине; профессиональная и моральная неготовность медицинских работников к принятию новых идей и новых биомедицинских технологий; общая слабость развития правовой культуры в нашей стране. А.С. Майхрович отмечает, что “следует учитывать достаточно прочную укорененность в социальной жизни и общественном сознании старых структур и тенденций – сохранение тенденции к всеобщему подчинению государством жизни общества, моноидеологизации общественного сознания, возобновлению патерналистских ожиданий, нивелировке индивида, престижности власти и силы, гипертрофированного представления о роли высшего авторитета”¹⁰. К тому же необходимо учитывать мировоззренческую разницу, существующую между нашими обществами. Во-первых, биоэтика является порождением американского узкопрагматического подхода к решению жизненных проблем. Во-вторых, рефлексия в сфере моральных дилемм биомедицины – это постфактум, следствие экономического и социального развития демократии в Америке и Европе. А Беларусь лишь впитывает идеи правового строительства государства, ищет пути создания цивилизованного рынка и обеспечения

народовластия. Поэтому, на наш взгляд, в республике сегодня нет адекватных возможностей и условий для восприятия биоэтики в ее западном образце. Гораздо более перспективной и конструктивной, по нашему мнению, является внедрение и культивирование биоэтики в ее расширенной трактовке как особого междисциплинарного поиска в сфере фундаментальных смысложизненных проблем и основы для создания новых мировоззренческих экофильных парадигм. В современном белорусском обществе растет понимание того, что система ценностей, связанная лишь с потребительством, неизбежно ведет к экологической и нравственной катастрофе, печальное подтверждение тому – Чернобыльская трагедия (1986). Отечественные философы, экологи, медики активно исследуют проблемы человека в условиях новой единой социоприродной посткатастрофной реальности. Накоплена значительная научная база для теоретического и практического решения проблем биоэтического дискурса. Серьезный недостаток, по нашему мнению, имеется в сфере правового регулирования отношений в системе “Наука – Общество – Природа”. Актуализируется необходимость изменений в области социально-гуманитарного блока биологического и медико-фармакологического образования, а также преподавания основ естествознания для юристов, менеджеров, социальных работников, сопряженная с введением в планы высших учебных заведений республики курсов “Биомедицинская этика”, “Биоэтика”, “Экологическая этика”, “Концепции современного естествознания”. Таким образом, в рамках современной модели биоэтики, адаптируемой отечественной наукой, имеет место поиск новой программы гуманизации и гуманитаризации естественнонаучного знания. Причем гуманизация должна коснуться не только внешнего инструментария биоэтики, но и основ человеческой культуры, мировоззрения, изменения самой структуры человеческих потребностей.

Подводя итог, отметим, что процесс возникновения, становления и современного оформления биологической этики – яркий пример коренных изменений в науке конца XX – начала XXI в. Биоэтическая рефлексия соответствует критериям открытого типа научной рациональности, который учитывает соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности¹¹. Требование сегодняшнего дня в науке – органическое соединение ценностей научно-технологического мышления с теми ценностями, которые предоставлены нравственностью, философией, религией.

¹ Любичев А. А. Сборник трудов / Под ред. П. Г. Светлова. Л., 1982. С. 115.

² Юдин Б. Г. Этика науки и биомедицинские исследования в контексте этики науки // Биомедицинская этика: проблемы и перспективы: Материалы междунар. конф. Мн., 2000. С. 5.

³ Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987. С. 220.

⁴ См.: Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М., 1998.

⁵ См.: Хилькевич А. П. Решение проблем в науке, технике, практической деятельности. М., 1999.

⁶ Право быть человеком. Понимание прав человека: Сб. переводов / Науч. ред. С. Ф. Сокол. Мн., 2000. С. 75.

⁷ См.: Jennings B. Bioethics and Democracy // Centennial Review. 1990. Vol. XXXIV. № 2. P. 208.

⁸ Тищенко П. Д. К началам биоэтики // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 62–67.

⁹ См.: Влавианос-Арванидис А., Олескин А. Био-политика. Био-окружение. На пути к биоэтическим ценностям. М., 1993.

¹⁰ Майхрович А. С. Духовно-культурные предпосылки становления правового государства // Чалавек. Грамадства. Свет. 1999. № 4. С. 10.

¹¹ Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 187–188.

Ольга Сергеевна Павлова – преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.